

Семь дней. - 1991. - 18-24 марта (N 12). - С.

К. Шульженко:

«ЧТОБЫ КАЖДЫЙ ЗАНИМАЛСЯ СВОИМ ДЕЛОМ»

ТЕЛЕВИДЕНИЕ:
СУББОТА, 23 МАРТА, 1 ПРОГРАММА, 16.55;
ТО-4—14.25; ТО-3—12.55; ТО-2—10.25; ТО-1—8.25
РАДИО:
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 24 МАРТА, РАДИО-1—19.35;
РО-4—17.35; РО-3—15.35; РО-2—13.35; РО-1—12.35

Клавдия Ивановна Шульженко любила сравнивать свою профессию с тем, что делают воздушные гимнасты, канатоходцы и жонглеры. И на эстраде надо уметь не оступиться, а увлекаться, не слишком увлечься, не слишком «сломать шею». Бдительность при полнейшем пожаре души, воля при вкусе абсолютном и абсолютное же владение ремеслом, но без показа его, без похвалы технической стороной дела.

Судьба ее и трудно складывалась, и вроде бы просто. В шестнадцать лет пришла в Харьковский драмтеатр к режиссеру Николаю Синельникову. Боялась? Конечно, боялась. У дверей швейцар в позументах, зверюга с оловянными глазами, на сцене битые-тертые артисты, поспеиваются, как будто сами не начинали с нуля. А она всем им жару: и спела, и сплясала, и с веерами поиграла, и в истерике руки заламывала. Словом, понравилась и победила. Вот как просто!..

Но эта победа — лишь самое начало. РАПМ (Российская ассоциация пролетарских музыкантов) была ее за уладочность и манеру, и позже уж бывала социалистическая догматика: «Отчего это мадам Ш. не бьет в набат, отчего не шагает со всеми маршем в ногу, почему не думает о массовости искусства — эта певичка из буржуазистского салона?! И чего это она все напевает — антинародное, нашептывает «лиловое и хрустальное»?!»

Ладно, ей уже первые учителя объяснили, чем Шульженко победит: не исполнением песни, а игрой, постановкой ее. Уж больно много было в ней от актрисы. Это — ее! За это и доставалось. Но именно за это и награда... Да, кстати, по поводу «антинародности». В пятидесятые годы, к примеру, она «Голубку» нам подарила. Помните? Испанскую незатейливую вещицу. Так у этой «Голубки» сделана двухмиллионный тираж пластинок, рекордный и по сей день. Вот вам и тема: Шульженко и народ.

Теперь, после такого «исторического» выступления, беседа с автором передачи о Шульженко (к восьмидесятипятилетию со дня ее рождения), лучшим знатоком творчества песенной актрисы (у него несколько книг о ней) и ее другом ГЛЕБОМ СКОРОХОДОВЫМ.

— Глеб Анатольевич, трудное положение у меня: о чем бы еще спросить у вас о Шульженко? Вроде бы столько говорено! Может, опять с передачи начнем?..

— Передача будет новая. Будут знакомые песни...

— «Синий платочек» будет?

— Будет. И не очень знакомые. Но мне не хотелось бы заранее говорить о тех или иных песнях. Как передача выстроится, такие песни и будут...

— А когда Шульженко было трудно, не хотела она изменить своей манере?

— Никогда. Свое она хранила как собственное имя. — И закалилась в борьбе за это?

— Конечно. Характер у нее

стал бойцовским. У нее всегда было свое мнение. А для эстрадной актрисы это очень важно. И шла она в своем деле не от спроса, не от запроса стихийно-публичного (так часто и бывает на эстраде), а от себя, из себя, из своего понимания песни и вообще эстрадного искусства.

— Трудно работалось ей над песнями?

— Очень. Я уже много раз говорил об этом. Каждая песня без преувеличения была спектаклем — со своей режиссурой, с драматургическим действием, с выверенными движениями. За каждым жестом или шагом по сцене, а тем более голосовым нюансом или интонационной подробностью — дни и ночи раздумья. Но трудности эти были в радость. Правда, рядом оставались другие проблемы. Клавдия Ивановна очень сердчалась, когда ее манеру, ее стиль путали с манерностью и предлагали ей неглубокие подделочки «под Шульженко».

— А какие она больше песни любила?

— Веселые, с юмором. Конечно, все те, где был материал для игры. Но особенно — с улыбкой.

— На своем концерте к 70-летию в Колонном зале в апреле семьдесят шестого года (вот уже и у этого концерта пятнадцатилетний юбилей!) Клавдия Ивановна Шульженко, помните, замечательно пела именно такую песню с улыбкой: «Повысьте спросите меня».

— Да. Еще в двадцать восьмом году она начала петь точную песенку «На санках». Буквально по чеховскому рассказу «Шуточка». С огромным наслаждением многие годы пела-играла она «Три вальса», где романтику юности сменяла ирония умной зрелой дамы, а все это венчала милая и нелепая, смешная и трагическая старость. Но как эту песенную линию жизни вела Шульженко? Мудро и гармонично! Потому что жизнь ее героев старела под эгидой любви...

— А могли бы вы, Глеб Анатольевич, назвать ее житейскую мудрость или какое-то характерное высказывание Клавдии Ивановны?

— Ну, может быть, это, о из нашей книги: «Знаете, о чем я мечтаю? Чтобы каждый всюду занимался своим делом».

Беседовал В. АНДРЕЕВ

Фото А. Левина, 1981 г.

165